

«Философия-ликбез». Встреча №44

Лейбниц и эмпиризм против здравого смысла: кто более безумен?

Безумнее, чем шизофреник? Радикальность мысли Лейбница

Наверное, у меня входит в традицию начинать каждую лекцию с новой характеристики **Вильгельма Готфрида Лейбница**. И это неудивительно, ведь подготовка к разговору о нем каждый раз оставляет глубокое впечатление.

Представьте себе картину: **Лейбниц** приходит в сумасшедший дом. Он находит самого безнадежного, неизлечимо больного шизофреника, подходит к нему и начинает излагать свою «Монадологию» — учение об устройстве реальности и мироздания. Выслушав его, шизофреник говорит: «Знаешь что, **Лейбниц**, ты больший псих, чем я».

Этот образ как нельзя лучше передает радикальность его мысли. Когда мы проходили эмпиризм, философия **Дэвида Юма** уже казалась чем-то, что выходит за пределы здравого смысла. Но на этой неделе я нашел в работах **Лейбница** такой ход мысли, что если бы его услышал **Юм**, он бы счел это безумием. То есть возможен такой ход мысли, который способен устроить настоящий когнитивный диссонанс самому последовательному эмпирику.

Речь идет не просто о логическом опровержении в ходе интеллектуальной дискуссии. Эмпиризм не нужно опровергать — его нужно развивать. Но в нем есть одно яркое допущение, которое **Юм**, кажется, проморгал. И **Лейбниц** может на него указать.

Сегодня мы попытаемся проследить этот ход мысли, хотя сделать это непросто. Мы с вами все еще находимся в оборонительной фазе, пытаясь разобраться в сложной системе **Лейбница**. Это не линейное учение, а скорее узел, клубок взаимосвязанных вопросов, и у него нет одного произведения, где все было бы изложено систематически от начала до конца. Поэтому мы потянем за одну из ниточек этого клубка.

Критика субстанции: Ахиллесова пята дуализма и материализма

Начнем с главной «фишки» эмпиризма — с **критики субстанции**. Эмпиризм утверждает, что понятие субстанции — это необоснованное допущение. Вспомним знаменитый тезис **Рене Декарта**: «Я мыслю, следовательно, существую». **Декарт** фиксирует факт мышления — это *свойство*. Затем он делает логический скачок и заявляет, что раз есть свойство, значит, должен быть и его носитель — тот, кто мыслит. Этот «тот, кто мыслит», и есть мыслящая **субстанция**. Тот же логический скачок происходит и у Гоббса, только субстанция, к которой относится свойство, — материальная, протяженная субстанция.

Для эмпира этот переход от наблюдаемого свойства к гипотетическому носителю — не более чем *допущение* (постулат). Мы никогда в опыте не сталкиваемся с «носителем», а всегда лишь с новыми свойствами. Этот же принцип применим к любому объекту: мы

видим белый цвет и определенную форму стула, но сам «стул как таковой», основа всех этих свойств, от нас ускользает.

И вот здесь эмпирик, столкнувшись с учением **Лейбница**, немедленно задал бы вопрос. Когда **Лейбниц** говорит «**монада**», он, по сути, говорит «**субстанция**». Он и сам этого не отрицает. Но не попадает ли он в ту же ловушку, что и **Декарт**, и **Гоббс**? Не является ли его **монада** таким же необоснованным допущением? Эмпирик сказал бы: все ваши сложные рассуждения о монадологии некорректны, потому что в их основе лежит то же самое допущение о существовании некоего носителя свойств.

Задача, которая перед нами стоит, — понять, почему **монада**, являясь субстанцией, тем не менее, не подпадает под эту критику и не является простым допущением.

Два парадокса на пути к монаде

Лейбниц не постулирует **монаду**, он выводит ее как необходимое логическое следствие, как решение двух фундаментальных проблем, одной древней и одной ультрасовременной.

1. **Парадокс бесконечной делимости.** Это древняя проблема. Любой физический объект можно делить до тех пор, пока мы не дойдем до некоего предела — неделимой частицы, атома. В противном случае, если деление объекта бесконечно, сумма частей никогда не сможет составить конечное целое. Но этот принцип не работает для **восприятия**. Любое, даже самое малое содержание восприятия, мысленно можно разделить еще дальше: у него всегда будет «верх» и «низ», «право» и «лево». Таким образом, наше восприятие по своей природе бесконечно делимо.
2. **Объяснительный разрыв (проблема *qualia*).** Этую проблему **Лейбниц** сформулировал задолго до ее переоткрытия в XX веке. Представим, что наше сознание — это огромная мельница. Мы можем войти внутрь, изучить все шестеренки, увидеть, как одна деталь толкает другую. Мы полностью поймем механику, но нигде внутри мы не найдем само **восприятие**, саму **мысль** или **ощущение**. Современный нейробиолог может описать все нейронные паттерны, которые вызывают у нас ощущение, например, жжения от запаха нашатыря, но он не сможет объяснить, почему именно эти процессы порождают *именно это ощущение*, а не какое-то другое, и почему они вообще порождают хоть какое-то ощущение.

Решая эти два парадокса, **Лейбниц** совершает революцию в онтологии.

- Чтобы решить парадокс бесконечной делимости, он заявляет, что элементарный, базовый уровень реальности должен быть **непротяженным**.
- Чтобы решить проблему объяснительного разрыва, он утверждает, что восприятие — это не продукт сложной системы, а **фундаментальное, базовое свойство** самой реальности.

Таким образом, **Лейбниц** вводит новую онтологическую категорию, создавая, образно говоря, «третью полосу» между классической дилеммией **Парменида: Бытие** («есть») и **Ничто** («нет»). Эта третья полоса — мир **виртуального**.

Для **Лейбница** реальность делится на два уровня:

- **Актуальное** (фр. *actuel*) — это наш привычный мир протяженных, эмпирически воспринимаемых объектов.
- **Виртуальное** (фр. *virtuel*) — это фундаментальный уровень реальности, мир возможностей и потенциалов. Это не просто наше психологическое состояние (когда мы думаем о «возможности того или иного события»), а *самостоятельное, реально существующее измерение*.

Реальность в своей основе, по **Лейбничу**, не актуальна, а именно виртуальна. Она не тверда, а состоит из потенциальностей.

Что такое монада? Вибрация, влечение и взаимосвязь

Что же такое **монада** в этом контексте? Привычный образ твердого шарика или кирпичика здесь совершенно не подходит. Лучшая метафора для описания **монады** — это **вибрация или колебание**. **Монада** — это не статичный объект, а непрерывный перебор вариантов, серия возможностей.

У **монады** есть два ключевых внутренних принципа:

1. **Perception** (фр. восприятие). **Монада** — это и есть чистое восприятие. Она не «обладает» восприятием, она им является.
2. **Appétition** (фр. стремление, склонность, влечение). Это внутренний динамический принцип, склонность или влечение, которое заставляет **монаду** непрерывно переходить от одного восприятия (состояния) к другому. Это своего рода «сканирование» поля возможностей.

И самое главное: **монады** не существуют в изоляции. Они не являются независимыми «атомами». Их сущность — в отношениях друг с другом, в **реляционности**. Одна **монада** существует только в связи с другими, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Если разорвать эту связь, **монады** просто исчезнут, аннигилируют в ничто.

Таким образом, **монада Лейбница** — это не допущение, а результат глубокого анализа самого свойства, его разложения. В отличие от **Декарта** и **Гоббса**, которые помещают субстанцию за воспринимаемым свойством, по ту сторону, **Лейбниц** находит ее *внутри* самого свойства, в его бесконечно малой, непротяженной и виртуальной основе.

Возвращение к апории Зенона: Движение как парадокс

Идея **Лейбница** позволяет по-новому взглянуть на апорию (от греч. *апорία* — *безвыходное положение*) **Зенона** о летящей стреле. Напомню, апория гласит: в каждый отдельный момент времени летящая стрела занимает пространство, равное самой себе, то есть покоятся. Если она покоятся в каждый момент времени, то она не движется вообще.

Современная математика, как кажется, решает эту проблему с помощью **дифференциального исчисления**, которое создали сам **Лейбниц** и **Ньютон**. Введя понятие **бесконечно малой величины и предела**, мы можем вычислить **мгновенную скорость** в каждой точке. Мы берем отношение приращения расстояния (ΔS) к приращению времени (Δt) и устремляем Δt к нулю:

$$v = \lim (\Delta S / \Delta t) \text{ при } \Delta t \rightarrow 0$$

В результате мы получаем конечное число — скорость в данный момент. Однако скорее всего **Зенон** не был бы удовлетворен таким ответом. Он мог бы сказать, что это всего лишь мысленная конструкция, расчет, а не объяснение природы самого движения. Движение по своей сути парадоксально: оно означает, что объект в один и тот же момент времени **находится** в определенном положении и одновременно **не находится** в нем, так как покидает его.

Ловушка «бинарного» мышления и решение Лейбница: «Третья полоса» виртуального

На самом деле этот парадокс возникает из-за ловушки бинарного мышления, унаследованного Зеноном от **Парменида**. В его системе координат есть только два состояния: «есть» и «нет», **Бытие** и **Ничто**. Стрела либо *занимает* положение («есть»), либо *не занимает* («нет»). В этой системе для движения просто не остается места, оно становится логическим противоречием. Если мы мыслим в рамках такой дихотомии, мы неизбежно приходим к апории, и никакая формула не сможет объяснить сам факт движения.

Выход из этой ловушки предлагает **Готфрид Вильгельм Лейбниц** через свою **монадологию**. Чтобы разрешить парадокс, необходимо ввести «третью полосу» — промежуточное состояние между «есть» и «нет». Это и есть измерение **виртуального**, или возможного.

Парадоксально, но математический аппарат, который был изобретен **Лейбницием** (и **Ньютоном**) для описания движения, сам по себе не является ключом к разгадке. Только — в сочетании с монадологией Лейбница. Для этого в формуле мгновенной скорости отношение бесконечно малого приращения пути (Δs) к бесконечно малому приращению времени (Δt) следует рассматривать как отношение не двух абстрактных величин, созданных в уме для удобства расчётов, а как отношение **виртуальных сущностей**, чей способ существования отличается от эмпирической данности протяжённых объектов. Они не являются в полной мере «Бытием» (они не имеют протяженности), но они и не «Ничто». Они обладают *полу-существованием*.

С точки зрения **Лейбница**, наше актуальное, наблюдаемое восприятие движения возникает как результат **«наложения»** или **отношения** (*ratio* (лат.) — *отношение, дробь*) этих двух виртуальных сущностей. Их связь порождает конечное число — наблюдаемую скорость, а вместе с ней и целостное восприятие движения. Таким образом, движение — это не иллюзия, а **актуализация** возможностей, виртуальных состояний.

Механизм актуализации: Романтическая история из мира квантовых полей

Чтобы понять этот сложный механизм перехода от **виртуального к актуальному**, позвольте рассказать одну грустную романтическую историю. У меня есть друг — классический IT-специалист, интроверт, которому уже за 40. Он никогда не был женат, а его мир в основном ограничен стенами его дома, где он играет в компьютерные игры и смотрит сериалы. Если бы мы захотели описать его местоположение в терминах

вероятности, то пик этой вероятности приходился бы на его дом. Чем дальше от дома, тем меньше шанс его встретить. Его состояние можно назвать состоянием равновесия, некой изначальной симметрии.

Но однажды случилось страшное: мой друг встретил девушку. Случайная, мимолетная встреча на улице, но она перевернула его мир. Эта девушка, которую он потом так и не смог найти, задела в нем какую-то глубинную струну. Его поведение радикально изменилось. Дома его теперь застать невозможно. Его жизнь обрела новую структуру: он начал ходить в кино на романтические мелодрамы, а после — в бар, чтобы в одиночестве размышлять о своих новых чувствах. Его мир обрел два новых центра притяжения, два пика вероятности, а его дом, наоборот, превратился в «мертвую зону», **узел**, где вероятность его встретить стала равна нулю. Из безликой, «размазанной» по району фигуры он превратился в заметную личность с четкой траекторией.

Что самое печальное в этой истории? Девушка, которую он встретил, была его родственной душой — такой же мечтательной домоседкой. После их встречи её мир тоже перевернулся, и она стала ходить по тому же маршруту, но в противофазе: когда он был в кино, она сидела в баре, и наоборот. Они так больше никогда и не встретились.

А теперь, уважаемые знатоки, вопрос: как звали моего друга и его девушку? Нет, речь идет вовсе не о людях.

Раскроем карты. Эта история — метафора, описывающая процессы в **квантовой теории поля (КТП)**. Мой друг — это **электрон** (или любая другая частица — **кварк, мюон, нейтрино** и т.д.), а его девушка — **позитрон** (его античастица). Их изначальное состояние, когда они «сидели по домам», — это **квантовый вакуум**, состояние чистой виртуальности, где существуют лишь колебания полей. Их встреча — это **взаимодействие**, которое приводит к **возбуждению** вакуума. В результате этого возбуждения происходит **актуализация**: рождается пара реальных частиц, **электрона и позитрона**.

Возникновение «мертвой зоны» (узла) — это шрам от **интерференции** волн вероятности, которые, накладываясь, в одних местах усиливают друг друга («пики» — кино и бар), а в других — гасят («узел» — дом). Так, из мира чистых возможностей рождается актуальная, структурированная реальность с частицами и «запретными зонами». Идея **Лейбница**, казавшаяся его современникам странной, спустя 200 лет нашла свое поразительное подтверждение в фундаментальной физике.

«Лоботомия» эмпиризма: Что первично — «ожидание» или «впечатление»?

Теперь мы подходим к самой радикальной и, возможно, «безумной» идеи **Лейбница**, которую можно назвать **лоботомией эмпиризма**. Давайте сравним его подход с подходом эмпирика **Дэвида Юма**.

Для **Юма** первичной и единственной реальностью являются яркие, живые **впечатления**. Они дискретны и не связаны друг с другом. Связь между ними (например, причинно-следственная) возникает вторично, благодаря **привычке** (*custom* (англ.)), которая вследствие многократного повторения последовательностей одних и тех же впечатлений формирует определенные **ожидания**. «Ожидание» — это лишь ассоциативное соединение «бледных копий» прошлых впечатлений («сложная идея»), наш ум просто привыкает, что

за событием А следует событие Б. Таким образом, структура мира строится от «яркого и живого» впечатления (оригинал) к «бледной и слабой» идеи (копия).

Лейбниц совершает головокружительный переворот. Он задает вопрос: а с чего вы взяли, что начинать нужно с яркого и живого? Что, если все наоборот? Что, если первичной реальностью является как раз та самая «бледная копия» — **ожидание**? Тогда «ожидание» — это не просто психологический феномен. «Ожидание» — это и есть та самая серия **возможностей**, тот **виртуальный** спектр, который предшествует любому событию.

Вдумайтесь: прежде чем я совершу любое действие, в моем сознании уже прокручивается веер возможностей. И лишь затем одна из этих возможностей **актуализируется** в виде конкретного **впечатления**. Получается, что не впечатление порождает бледное ожидание, а наоборот — первичный океан бледных, смутных возможностей порождает яркое и конкретное впечатление.

Восприятие, с этой точки зрения, — это не пассивное получение «отпечатков» от мира, а активный процесс **«сканирования» поля возможностей** (фр. *appetition* — стремление, желание) и совершения конечного выбора, который и кристаллизуется в то, что мы видим.

Заключение

Эта идея кажется безумной, она противоречит нашему здравому смыслу, который, как и философия **Юма**, опирается на приоритет яркого, данного нам в ощущениях. Подход **Лейбница** — это вход в пространство «психоза», дереализации, где реальность не дана, а постоянно творится из поля возможностей.

Однако именно этот «психотический» взгляд оказался пророческим. Философия пошла по пути **Юма**, и ветка **Лейбница** на долгие 200 лет оказалась в тупике. Но в XX веке, связи с разработкой квантовой теории поля, его идеи были реанимированы. Оказалось, что на фундаментальном уровне реальность устроена именно так, «по-лейбницевски»: из **виртуального** вакуума рождается **актуальный** мир частиц. Таким образом, то, что казалось безумием, стало описанием самой ткани реальности. Наш здравый смысл — это всего лишь привычка видеть мир определенным образом, а настоящая реальность скрывается в том смутном и бледном поле возможностей, которое мы обычно игнорируем.